

КИРА ВЕРБА

Время мертвеца

18+

Кира Верба
Время мертвеца
Серия «Курортные детективы.
Расследования Алексея
Добринского», книга 2

*<https://litres.ru/74095066>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Алексей Добринский — бывший философ, а теперь рантье с двумя домами на берегу Азовского моря. Он думал, что его детективная карьера закончилась после первого расследования, но дочь погибшего политика и бизнесмена просит его о помощи.

Пятеро гостей. Один вечер. Один труп. И расследование, в ходе которого Алексей найдет все несостыковки и добьется правды.

Вторая книга серии о детективе-философе из Пересыпи. Герметичный интеллектуальный детектив для тех, кто любит Агату Кристи и не возражает против цитирования Сенеки.

Содержание

Глава 1. Волны и персики	4
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Кира Верба

Время мертвеца

Глава 1. Волны и персики

Пересыпь встретила утро 26-го дня июня горчичной теплотой, ложившейся на песок протяженного пляжа, крыши домов из металлочерепицы и темные изгороди тех немногих участков, на которых по-прежнему выращивали что-то: овощи или виноград. Казалось, само солнце решило остаться здесь навсегда: будто бы звезда могла решать, с какой именно скоростью Земля вращается вокруг нее.

Теплое уже Азовское море накатывало — меланхолично и даже лениво — прозрачные волны, оставляя за собой мокрый песок. Утром песок еще не успевал нагреваться, и по нему было приятно гулять босиком: ощущая пальцами прохладу и влагу.

Алексей Добринский проснулся раньше восхода. Это была привычка, которую он сохранил еще с Томска: там темнота обычно не отпускала до девяти-десяти утра, но Алексей все равно вставал по будильнику в семь. Затем он пил черный кофе, чистил зубы и выходил из квартиры в иссиня-черную пустоту города — чтобы через час с лишним читать рассеянным и не выспавшимся студентам лекцию о Кьеркегоре.

Теперь — когда университет с лекциями и Томск с его холодом остались позади — вставать по будильнику было куда проще. Новый дом Добринского пах новым паркетом, а, распахнув деревянное окно, можно было ощутить росу на газоне перед крыльцом. Алексей прошел на кухню и взял гейзерную кофеварку, привезенную из Томска на правах сувенира: краска на ярко-синем корпусе слегка облупилась, но со своей работой это нехитрое устройство справлялось. Кофе из этой *Vialetti* был хорош — никакая капсульная машина не сварила бы эспрессо так, как старый добрый итальянский «гейзер».

Добринский налил жидкость в толстую керамическую чашку с портретом Канта — ее в Краснодарский край он тоже привез с собой из Сибири. Чашка относилась к его любимой посуде: ее Алексей купил на каком-то блошином рынке во время командировки в Калининград лет пять назад. С тех пор он каждое утро старался пить кофе именно из нее. И каждое утро он как бы говорил Канту: *Gebet mir Materie, ich will euch zeigen, wie eine Welt daraus entstehen soll.*

Заварив кофе, Алексей наполнил чашку, мысленно поприветствовал старика Иммануила и прошел в гостиную, усевшись рядом с журнальным столиком. Правее — у окна, обращенного к морю — стояло акустическое пианино *Yamaha U1*. Добринский купил его, когда приехал сюда, и долго не мог настроить: мастер из Темрюка доехал до него лишь около месяца назад. Теперь звук был идеальным, хо-

тя хозяину дома нравилось и прошлое звучание: по его мнению, идеальная настройка даже вредила этому миру (и музыке как его части).

Отхлебнув кофе, Алексей сел, положил руки на клавиши и стал играть: без нот и структуры, просто воспроизводя знакомые ему мелодии знаменитых джазменов. «Take Five» Дэйва Брубeka, потом «So What» Майлза Дэвиса Музыка рождалась из ошибок, и каждый взятый раньше аккорд странным образом складывался в итоговую гармонию. Играя, Добринский вспоминал томские аудитории с потрескавшимися стенами, корпоративный офис из бетона и стекла, «сталинку» своих родителей Все это теперь было частью какой-то другой — прошлой — жизни.

Когда солнечные лучи коснулись верхушек деревьев, вчерашний философ и нынешний рантье прекратил играть, закрыл крышку «Ямахи» и надел светлую льняную рубашку. Закатав рукава до локтей, Алексей вышел на крыльцо и потянулся, улыбаясь новому дню. Воздух пах водорослями, жасмином и солью, а курортный поселок еще спал. Туристический сезон начался, но этим летом — по словам местных — отдыхающих было меньше, чем в прошлые годы. То ли туристы держались крупных курортов, то ли экономические проблемы давали о себе знать, то ли еще что. Но факт остается фактом: как минимум по утрам в Пересыпи царила абсолютная тишина, которую можно было почувствовать хоть на побережье моря, хоть на улице Чапаева рядом с Ахтани-

ЗОВСКИМ ЛИМАНОМ.

Именно ради этой тишины Добринский и приехал сюда в начале 2026-го. Алексей улыбнулся, вспоминая себя полугодовой давности. Уволившись из университета, он работал в IT-компании: занимался промпт-инжинирингом. Та работа была вполне высокооплачиваемой, а также стабильной и предсказуемой, как расписание электричек. Утром — кофе и трамвай до офиса. Днем — код и запросы. Вечером — джаз в квартире и старые фильмы. Выходные — встречи с друзьями и разговоры с Дашей.

Даша уехала из страны весной 2022-го. Она предпочитала называть это «политическим выбором», но Алексей предпочитал другой термин — «бегство». Они не ссорились, но однажды Даша сказала ему, что хочет уехать. А Добринский ответил, что не видит в этом смысла и намерен остаться. С философской точки зрения это был, пожалуй, даже верный выбор. Еще Дантон вопрошал: «Можно ли унести родину на подошвах своих сапог?».

Но в реальной жизни этот выбор обернулся концом отношений, которые они развивали несколько лет. Даша уехала куда-то в Скандинавию, а Алексей остался в Томске. Все разделил один тихий звук — щелчок закрывающейся двери. Добринский остался на своей стабильной работе, с каждым днем все яснее ощущая, как жизненное болото затягивает его все глубже.

Все изменил неожиданный выигрыш в лотерею — получив 80 с лишним миллионов, он решил покинуть Томск. Часть денег Алексей вложил в депозиты, акции и криптовалюты, часть — отдал родителям, а на оставшееся купил два дома в Пересыпи. Один — маленький, с треснувшей печью и едва виднеющимся морем за окном — он оставил для себя. Второй — побольше — под сдачу. Добринский не знал точно, зачем все это ему нужно, но понимал: пришло время изменить свою жизнь, сам ее тип. Старое существование стало ему слишком тесным, как старая обувь.

Сразу после переезда с Алексеем произошло серьезное событие: кто-то убил его соседа Николая Казаченко, бывшего главу казачьего кооператива. Полиция заподозрила племянника погибшего Михаила, но Добринский вместе со следователем Арсеном Манукяном смогли раскрыть это дело. Они увидели новые обстоятельства: например, клочок дорогой ткани в руке убитого и папку с документами, которая исчезла сразу после смерти хозяина.

Алексей распутал клубок лжи, тянущийся с начала 1990-х. Миша получил свободу и смог вернуться к ремонту домов Добринского, виновные были наказаны, с Манукяном они теперь изредка созванивались, а запись о расследовании в личном блоге Алексея неожиданно стала вирусной. И теперь тот самый «детектив-философ из Пересыпи» стал локальной интернет-знаменитостью — по крайней мере, регионального масштаба.

Но все это было в январе — как будто в другой жизни. Теперь — в конце июня — зимние события казались давно забытым сном. А окружающий Добринского мир — сонная, медленная Пересыпь — вернулся к базовым настройкам. Море прогрелось, а пляжи начали заполняться туристами. Зимнее убийство все сильнее стиралось из памяти.

Тряхнув головой — будто стремясь сбросить с себя назойливые воспоминания — Алексей решил прогуляться к морю. Песок на пляже был плотным, но солнце уже прогрело его. Добринский смочил ноги в воде и пошел вперед, оставляя за собой на песке мокрые следы. В наушниках играли «Подмосковные вечера» в исполнении Кенни Болла, а легкие Алексея втягивали в себя соленый приморский воздух. Алексей еще раз понял: Пересыпь стала для него не убежищем, а местом, где он, наконец, смог перестать куда-то бежать. Вместо этого Добринский смог оглянуться по сторонам и увидеть, как прекрасен мир вокруг: небо над водой было безоблачным, волны легко накатывали на мелкий песок, а солнце поднималось все выше и выше.

На пляже у старого покосившегося маяка Алексей увидел ее — он пришел сюда именно ради этой встречи. Галя сидела на раскладном стуле: спиной к поселку и лицом к морю. На ее коленях лежал мольберт с небольшой подушкой, а в руках девушка сжимала широкую кисть. С ее помощью она уверенно — практически хирургически точно — наносила

краски на холст. Светлые волосы Галя собрала в небрежный пучок. На щеках была видна россыпь веснушек, а на запястье находился всегдашний серебряный браслет, чуть потускневший от времени.

Они познакомились чуть больше недели назад — Галя как раз была занята очередным пленэром, а Алексей бесцельно гулял по побережью. Он увидел девушку-художницу и подошел к ней. Остановился. И спросил — глядя на то же море, что и она: «Что видите?». Тогда Галя заинтересованно посмотрела на него, немного подумала и серьезно ответила: «Волны».

— Тогда вы выбрали не лучший объект для наблюдения. Азовское море довольно спокойно, — улыбнувшись ответил ей Добринский.

Уже потом — в их следующие встречи — Алексей узнал, что у Гали есть муж (квалифицированный программист в крупной IT-компании) и двухлетний сын (его она оставила с бабушкой, чтобы уехать в отпуск одной).

— Я не сбежала. Приехала сюда, чтобы выдохнуть и навести порядок в своей голове, — сказала она ему тогда.

Добринский ничего не ответил на это: лишь кивнул. И, видимо, это была правильная реакция — с тех пор они встречались чуть ли не каждый день. Сначала — говорили о калининградских набережных и живописи. Затем — перешли к долгим прогулкам по берегу, которые, как правило, проходили в полном молчании. И, наконец, они перешагнули эту

грань: перестали говорить и приступили к делу. В этом не было ни драмы, ни даже большой страсти — просто в тот момент им было нужно именно это. Мини-отель «Белый песок», где остановилась Галя Смятые простыни Кофе после секса.

Галя, казалось, ждала его. Когда Добринский подошел, она словно инстинктивно смахнула песчинки с подставки. Затем девушка улыбнулась — едва заметно, но вполне определено.

— Ты рано, — сказала Галя, не глядя на него.

— Не спалось. Интересное решение: ты рисуешь не то, что видишь, а тот же пейзаж в других обстоятельствах, — ответил Добринский, глядя на холст. Вместо утреннего неба там было изображено багровое закатное солнце.

— Я видела это вчера вечером. Память честнее глаз.

Они подошли к воде, не держась за руки. Лишь шли рядом, слушая тихие волны и наблюдая гладкую гальку под водой. Где-то вдалеке, на самом горизонте, просматривался рыболовный траулер, продвигающийся вдоль берега крайне медленно — словно сонная муха. Тишину прервал крик чайки: пронзительный, требовательный.

— Знаешь, — сказала Галя вдруг, — я раньше думала, что с помощью искусства мы все бежим от реальности. Но теперь понимаю, что это способ вернуться к себе. Когда я рисую, не думаю даже о муже и сыне. Когда я рисую, я растворяюсь в том, что я есть. Здесь и сейчас.

Алексей кивнул: что-то подобное в Пересыпи ощущал и он, хотя и не умел рисовать.

— Мне еще пару часов. Встретимся вечером, хорошо?, — спросила его Галя, отправляясь назад к мольберту.

Алексей вновь кивнул и представил себе будущий вечер. Двухэтажный дом с белыми стенами, красной черепицей и резными синими ставнями: в Пересыпи было сложно найти хорошее арендное жилье, но Галя умудрилась выбрать чуть ли не самый стильный отель. Некоторые вещи в комнате требовали ремонта, одна из дверей скрипела при открытии, а одна из конфорок плиты не работала. Но это было не важно: в этом доме и с Галей Добринский чувствовал себя более живым, чем где-либо еще. А из окна открывался прекрасный вид на закатное солнце.

Днём Алексей зашел к Мише — племяннику убитого Качаченко. Тот стоял у большого дома Добринского — того, что был предназначен под сдачу и стоял чуть дальше по улице, среди старых сосен. Миша вытирал руки о рабочий комбинезон и скептически смотрел на какой-то мешок со стройматериалами, шурясь на солнце.

— Еще две-три недели — и можно будет сдавать, — сказал он, не поднимая глаз. — Как раз захватите конец июля, август и начало сентября. Сантехника стоит, проводка заменена, осталось только отделку сделать. Извините, что так долго

— Все в порядке, Михаил. Не вы же себя под арест посадили. И это в любом случае быстрее, чем я рассчитывал изначально. Надеюсь, и в дальнейшем сможете мне помогать. Уборка, мелкий ремонт

Миша перебил его, усмехнувшись с деревенской прямо-той.

— Конечно, все сделаю. И уборщица есть: хорошая женщина, сюда приехала из Сургута. Все сделаем правильно, Алексей Витальевич. Вы только поймите — я не за деньги все это делаю. Вы мне тогда вернули честь. И свободу. Это деньгами не меряется.

Добринский прижал руку к груди и кивнул, не говоря не слова. Миша помолчал, глядя куда-то вдаль. А затем неожиданно сказал:

— Мне кажется, люди сюда приезжают, чтобы забыться. А вы, Алексей Витальевич, приехали, чтобы что-то о себе вспомнить. И я рад, что вы здесь.

Когда Добринский вернулся, родители уже встали и позавтракали. Они не одобряли его переезд на юг — как и то, что когда-то Алексей отказался от преподавательской карьеры, уйдя в IT. Тем не менее, они сохранили связь: и четыре дня назад родители наконец приехали в Пересыпь, посмотреть, как теперь живет их сын.

Отец сидел в плетеном кресле и читал «Ведомости»: он предпочитал экономические издания всем прочим, посколь-

ку там было меньше политики. Политику Виталий Алексеевич Добринский не любил и считал ее «театром абсурда». Мать сидела рядом и вязала что-то — пока бесформенный обрывок красной и синей шерсти, который со временем превратится в шарф, носок или что-то еще. На столе лежали нарезанные персики: их, как и другие овощи и фрукты, Добринскому-младшему поставляли еженедельно с фермы «Урожай», расположенной неподалеку.

— Опять бродил по пляжу, — протянула мать, не поднимая глаз. — Леша, я наблюдаю за тобой уже несколько дней. Этот ритм жизни Нет ничего плохого в том, чтобы отдохнуть или посидеть у воды. Но нельзя же посвящать этому всю свою жизнь. Тут, конечно, хорошо, но бездействие губит людей

— Я не бездействую, мам, — перебил ее Алексей, наливая себе воды. — В конце концов, у меня есть блог

— Блог, — саркастически повторила Елена Петровна. — Это хорошо, его интересно читать, но это хобби, Леша. Помнишь Иру с твоей кафедры? Она защитила докторскую и родила прелестного мальчика. Вот это действие! А твой блог — игрушка и прихоть, не более того.

Алексей поднял руку, прерывая мать, покачал головой и ответил, стараясь говорить нарочито спокойно.

— Мама, я очень рад за Иру. Как ты помнишь, я пытался сделать то же самое. Но не преуспел. Наука и преподавание — не моя стезя. Кроме того, там слишком мало платят. А

Даша Я не виноват в том, что она решила уехать. Никто не виноват. Просто так вышло.

В глазах матери показались слезы, но Алексей продолжил: — Мы говорили об этом много раз. Я знаю, вы недовольны, что я ушел из науки, а затем — переехал сюда. Но этот выбор уже сделан, его не изменить. И знаешь, мне чуть ли не впервые нравится жить: здесь, гуляя в одиночестве по пляжу и слушая шум волн. Мне жаль, что этот выбор разочаровал тебя, но зачем всегда сводить все именно к этому? Ковырять рану ржавой булавкой — не лучшая хирургическая практика.

Елена Петровна встала и, не говоря ни слова, обняла сына. — Прости, Леша, — еле слышно сказала она, а несколькими мгновениями спустя, взяв себя в руки преувеличенно официально добавила, — Я, пожалуй, сделаю еще чаю.

Когда мать ушла в дом, Виталий Алексеевич отложил газету, оправил очки в тонкой оправе и внимательно посмотрел на Алексея.

— Прости, сынок, что мы так давим. Конечно, это твоя жизнь и твой выбор, — начал он своим хорошо поставленным профессорским голосом. — Но даже здесь, в этой жаркой южной глуши твоя жизнь кажется довольно странной. Не хочешь писать диссертации? Напиши книгу: нон-фикшн сейчас популярен. Не получилось с Дарьей? Вокруг полно прекрасных женщин, а ты богат. Но что ты делаешь вместо этого? Размениваешь свой талант на дурацкий блог и кру-

тишь курортные интрижки. Хорошая стратегия для 20-летнего, но тебе уже 35.

Отец говорил негромко, без гнева и других видимых эмоций: как будто он рассуждал о влиянии Достоевского на идеи Ницше. Но каждое его слово резало Алексея как нож масло.

— Я не собираюсь жить так всегда, пап. Но сейчас мне нравится то, что есть, — коротко ответил Алексей, выдавливая из себя каждое слово: с трудом, будто почти закончившуюся зубную пасту из тюбика.

— Хочется надеяться, Леша, хочется надеяться. Философия — хорошее убежище, но твое нынешнее существование — это не жизнь. Нельзя просто бродить у моря, слушать джаз и считать себя человеком, — отец сделал паузу и продолжил, — Пока кажется, что ты просто сбежал: от университета, от воспоминаний о Дарье, от ответственности, от себя самого. Я верю, что ты найдешь новый смысл, но не затягивай с этим. И помни: любое настоящее понимание не приходит в тишине. Оно рождается лишь в конфликте. В ошибке.

Они помолчали полминуты, а затем на веранду вернулась мать — с чайником, в котором уже заваривался белый китайский чай.

Вечером Алексей пошел к «Белому песку»: Галя ждала его у входа в мини-отель, на ней был легкий светлый сарафан. Они прошли внутрь и прошли на второй этаж — в ее номер с видом на лиман. Комната была простой: светлая

штукатурка на стенах, алый ковер на полу, плетеная мебель, массивная кровать, небольшой балкон.

Галя обняла его, и Добринский потянул сарафан вверх. Не было ни цветов, ни свечей, ни других романтических атрибутов. Они занимались любовью, чувствуя теплый ветер с открытого балкона, запах цветов с улицы и приятный полумрак. Они делали все неспешно — не как страстные любовники, а как два человека, нуждающихся в передышке. Этот вечер и был их передышкой.

После Галя легла головой ему на грудь и сказала после долгого молчания:

— Спасибо тебе.

— За что?

— Ты напоминаешь мне, что я жива.

Добринский попытался показать шутовской поклон, но, лежа, сделать это было не так просто. Кроме того, шутки вряд ли подходили этому моменту, поэтому он, не говоря ни слова, обнял Галю и погладил ее по светлым волосам.

Она быстро уснула, а он полежал еще немного, слушая, как за окном шумит вода, а где-то вдали гудит катер. Затем Алексей аккуратно встал, быстро оделся и вышел, едва слышно захлопнув за собой дверь. Пересыпь уже захватила ночная прохлада, и Добринский шел домой, не спеша, подставляя лицо мягкому южному ветерку. Ему было спокойно и хорошо.

Родители уже спали: свет в их комнате не горел. В доме

пахло укропом, сыром и свежей выпечкой: кажется, мать решила приготовить его любимый пирог с сыром. Наполовину съеденный пирог нашелся на кухне: Добринский подогрел его в духовке и открыл красное вино из красностопа от небольшого кубанского хозяйства. Выпечка была такой же вкусной, как и в детстве. Вино показалось ему слишком танинным, но в остальном ужин был хорош.

Закончив, Алексей убрал со стола и запустил посудомойку, а затем открыл ноутбук и запустил телеграм — сегодня он точно напишет новый пост в свой канал. В этот момент телефон завибрировал: на экране высветился незнакомый ему номер. Добринский поднял трубку.

— Алексей Витальевич Добринский? — женский голос на том конце был усталым, но твердым. — Меня зовут Елизавета Соколова — я дочь Владимира Соколова, бывшего мэра Темрюка. Отец умер пять дней назад; следствие считает, что это самоубийство. Но я не верю. Обратиться к вам посоветовал Арсен Манукян. Сказал: «Он видит то, что упускают другие».

Добринский был ошеломлен: после первого расследования к нему несколько раз обращались за помощью, но все те письма и звонки касались пустяковых происшествий вроде уличных краж. Еще один раз звонили с розыгрышем, но Алексей быстро понял, что к чему: они с пранкером минут десять болтали о всякой ерунде и расстались, довольные друг другом. Тут ситуация явно была другой.

— Алексей Витальевич, вы слушаете?, — нарушила затянувшуюся тишину его собеседница.

— Да, Елизавета. Простите, задумался, — торопливо ответил ей Добринский. — Но чем я могу помочь?

— Проведите неофициальное расследование, опросите свидетелей. Я уже поговорила с семьей: все согласилось сотрудничать, хотя и не без скрипа, — быстро ответила ему Соколова и, через паузу, добавила. — Разумеется, ваша работа будет оплачена.

— Хорошо, — легко согласился Алексей. — Когда мне к вам приехать?

— Чем раньше, тем лучше. Сможете завтра утром? Я пришлю машину.

— Договорились. Я встаю рано, к восьми утра буду готов.

— Прекрасно. К восьми автомобиль будет у вас, адрес мне передал Манукян.

— Тогда до встречи, Елизавета. Если позволите, сначала я хотел бы побеседовать с вами отдельно. И, пожалуйста, обращайтесь ко мне по имени: не люблю излишний формализм.

— Конечно, Алексей. До завтра, — решительно ответила Елизавета и положила трубку.

Добринский молча смотрел на улицу: за окном окончательно стемнело, а южное небо озарили сотни и тысячи звезд. В голове Алексея промелькнули отрывочные воспоминания о прошлом расследовании: погреб, мертвый сосед, клочок ткани, договор с поддельными подписями, разгово-

ры с Манукяном.

Посидев так еще несколько минут, Добринский вернулся к своему телеграм-каналу. Курсор мигал в пустом поле, и Алексей начал писать: не для лайков, а для себя. Чтобы зафиксировать момент, пока он не стерся.

Телеграм-канал @alex_dobrinskiy. 27 июня 2026 года:

«...Тишина в нашу эпоху стала роскошью. И дело даже не в громкости нашего мира (хотя по этому параметру 2020-е наверняка превзойдут «ревушие двадцатые» столетней давности). Дело в том, что мы лишились истинной тишины — тишины наедине с самими собой. Мы больше не можем быть собой, мы вынуждены соответствовать чьим-то ожиданиям, носить социальные маски и ориентироваться на реакции других. Все эти мысли ежеминутно проносятся в голове каждого человека, создавая невыносимый гул, з

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.